

Т.В.Смирнова

Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре

20 апреля 1920 г. Ленин подписал декрет об обращении художественно-исторических ценностей Троице-Сергиевой лавры в музей. Эта дата и считается юбилейной. Но работа по созданию музея началась значительно раньше. Осенью 1918 г. в Сергиев Посад приехал, будучи озабочен судьбой Лавры и ее ценностей, член Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса И.Е. Бондаренко, возглавлявший в то время подотдел архитектурной и живописной реставрации. Вернувшись, он сделал доклад на заседании Президиума Коллегии. Предложил наладить наружную охрану Лавры, составить описи художественно-исторических ценностей и принять ряд других мер по их охране, в том числе и тех, которые находились в Свято-Вифанском монастыре, перевезя их в Лавру¹. В этом монастыре сохранялись покои митрополита Московского Платона, бывшего наместником Лавры в 1762–1812 гг., со всей обстановкой. На основании доклада была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, которую и возглавил Бондаренко. Этот человек больше известен как архитектор, а также как создатель Художественного музея в Уфе. Но его роль в создании и деятельности Комиссии осталась в тени и не получила, на мой взгляд, должной оценки. Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947), архитектор, учился в МУЖВЗ, продолжил образование в Цюрихе². Примыкал к Мамонтовскому художественному кружку.

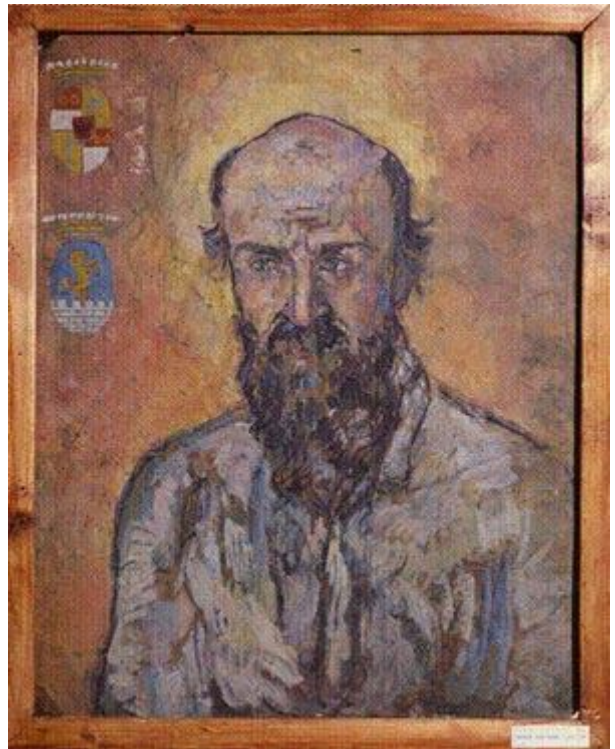

**Илья Евграфович
Бондаренко**

В 1890-х годах начал изучать древнерусское искусство, путешествовал по старым русским городам. Вместе с К.А. Коровиным проектировал павильоны Русской деревни для Всемирной выставки в Париже 1900 г. После выхода в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости», когда стало возможным строительство старообрядческих церквей, выполнил много заказов по возведению таких храмов. Работал и в области прикладного искусства – разрабатывал образцы мебели и игрушек, при этом был тесно связан с Сергиево-Посадской земской кустарной мастерской. По его проекту там была сделана архитектурная игрушка «Московский Кремль XVII века» для Всероссийской выставки в Петербурге в 1913 г.³

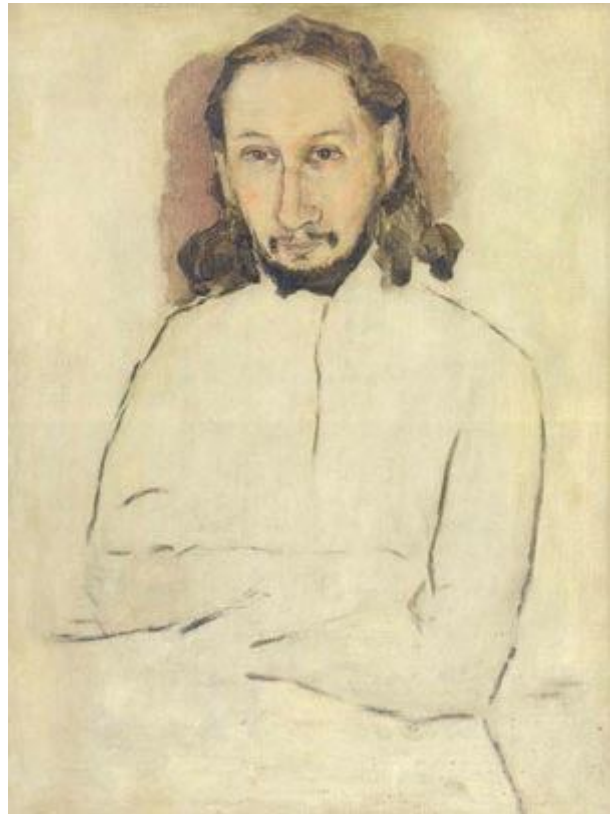
Образованная в конце октября 1918 г. Комиссия по охране Лавры, прежде всего, конечно, должна была принять имевшиеся в ней ценности. Эта работа сразу пошла полным ходом: приемку икон осуществляли Ю.А. Олсуфьев и П.А. Флоренский, серебряных и золотых предметов М.В. Боскин и Ф.Я. Мишуков, шитья Т.Н. Александрова-Дольник и М.В. Боскин.

Одновременно с описанием ценностей уже с самого начала встал и вопрос о создании музея.

В.А. Комаровский.
Портрет. Ю.А. Олсуфьева. 1924

В докладе Флоренского, прочитанном на заседании Комиссии в ноябре 1918 г., была высказана мысль, что вся Лавра должна рассматриваться в качестве «живого музея русской культуры», что недопустим отрыв художественного произведения от условий его существования⁴. Однако, в проекте устройства музея, разработанном тогда же П.А. Флоренским и П.Н. Каптеревым⁵, хотя и декларировалось создание «живого» музея, выдвигались несколько иные принципы. Планировалось, что основой музея будет Ризница, разделенная на два отдела: древлехранилище, где будут сосредоточены все предметы, имеющие художественную или историческую ценность, и отдел для расхожих вещей Нового времени. Также предусматривалось создание особого музея Лавры, который должен помочь ее изучению. В нем предлагалось собрать всю литературу о Лавре, древнюю и новую,

В.А. Комаровский. Портрет Павла Александровича Комаровского. 1924

Павел Николаевич Каптерев

иконографию Лавры, планы и чертежи, карты и т.д. Проект исключительно интересный, и остается сожалеть, что такого целостного собрания всех

материалов, касающихся Лавры, так и не было создано. А все, что касалось края, его истории, природы, этнографии и пр., предполагалось сосредоточить в музее местного края, проект которого был разработан Каптеревым⁶.

С первых шагов своей работы Комиссия хотела способствовать восприятию посетителями Лавры как музея. Приняли решение выпустить путеводитель. По предложению Бондаренко, он должен стать сборником очерков и представлять собой художественный обзор⁷. В создании книги приняли участие большинство членов Комиссии: П.А. Флоренский, П.Н. Каптерев, И.Е. Бондаренко, Ю.А. Олсуфьев, Т.Н. Александрова-Дольник, М.В. Шик, а также Ф.Я. Мишуков и С.П. Мансуров⁸.

Бондаренко принадлежал очерк «Художественный облик Лавры».

Достаточно прочесть несколько строк, чтобы понять, как тонко воспринимал этот человек красоту уникального архитектурного ансамбля, как он был очарован Лаврой. «Не одно только настроение элегическое, столь уместное здесь после шума больших городов, но сильно здесь ощущение той незримой радостной красоты, какая есть в познании искусства, и то ощущение неясное, но всегда сильное ощущение, какое завладевает нами в минуты созерцания акварельной легкости лаврского пейзажа».

Так случилось, что именно этот сборник-путеводитель навлек на Комиссию и ее председателя неистовую критику с далеко идущими последствиями. Еще несброшюрованная книжка попала на глаза священнику-расстриге Михаилу Галкину, публиковавшему антирелигиозные статьи и брошюры под псевдонимом М. Горев. Он разразился гневной статьей в журнале «Революция и церковь»⁹. Досталось Флоренскому за то, что в передовой статье «Троице-Сергиева лавра Россия» тот называл Лавру «Домом преподобного Сергия», а самого Сергия – «Ангелом-Хранителем России». Досталось и Бондаренко, который, как обнаружил Галкин, испрашивал благословения Патриарха Тихона на работу Комиссии. Попало членам и сотрудникам Комиссии, подозрительным уже только по одному

своему происхождению – бывшему графу Олсуфьеву, сыну члена Церковного собора Мансурову и др.

Тот сборник не вышел в свет. Только недавно удалось его переиздать. Но проблема осталась. И когда в сентябре 1919 г. на заседании Комиссии был заслушан доклад Флоренского о том, в каких направлениях будет вестись работа, на протоколе заведующая Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Н.И. Троцкая сделала такую приписку: «Предлагаю ко всему вышеизложенному прибавить составление путеводителя по Троице-Сергиевой лавре. Путеводитель должен быть составлен популярно, но без вульгаризации. Автор его должен быть проникнуть сознанием, что работа его предназначена не для небольшой группы ученых, а для широкого неподготовленного читателя и зрителя. Должен быть написан ярко, выпукло и доступно. Надо выявить величие памятника искусства перед новым читателем и зрителем»¹⁰.

Очевидно, в связи с этим уже через несколько дней членом Комиссии Шиком был составлен план-конспект краткого путеводителя по Троице-Сергиевой лавре и объяснительная записка к нему. Он писал, что путеводитель предназначен «для чтения в вагоне железной дороги, на ходу или там, где удалось присесть на минутку. Отсюда требование – быть конкретным и лаконичным. Это тот род популярности, которая делает написанное доступным каждому интересующемуся, не поступаясь в то же время серьезным отношением к излагаемому»¹¹.

Неудача с первым путеводителем не остудила желания у членов Комиссии просвещать народ. Флоренский в ноябре 1919 г. выступил на заседании Комиссии с докладом об издании каталогов лаврского музея¹². Он писал, что «при низком уровне эстетического развития наших широких масс нетрудно предвидеть, что выставка, хотя бы и идеально совершенная <...> останется мало понятной и едва ли существенно отличающейся от того беспорядка, который царил в ризнице до деятельности Комиссии. <...>

Выставка без каталогов нема для широких масс. <...> Эти каталоги не могут быть простыми перечнями предметов, хотя бы и с указанием дат. Что кубок есть кубок, а икона Богоматери – икона Богоматери, всякий видит и без каталога; век же сам по себе очень мало говорит неспециалисту.<...> Широким массам необходимо всякий раз сжатое руководство, выясняющее, на что собственно нужно смотреть и как смотреть, в чем особенность данного предмета и в каких отношениях сходства и различия он стоит к другим предметам того же рода; посетителю–неспециалисту требуется объяснить на конкретных образцах высокого искусства или, по крайней мере, дать почувствовать задачи и методы искусства, развитие техники и фактур разных отраслей искусства, приучить его к сознательному и внимательному всматриванию в строение художественного предмета, развив в нем чувство и знание стилей, вообще эстетически воспитывать».

Развернувшиеся вскоре события не дали тогда возможности издать ни путеводитель, ни каталоги, хотя мысль об их необходимости не покидала Комиссию.

Бондаренко оставил любимую им Лавру. В мае–июне и августе – сентябре 1919 г. он участвовал в Волжских экспедициях, организованных Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины под руководством И.Э. Грабаря¹³. А затем уехал на родину – в Уфу, где занялся устройством Художественного музея¹⁴. Однако, как установлено О.Н. Копыловой, и там его настигли неприятности, связанные с выходом путеводителя: Уфимский губревтрибунал в мае 1920 г. приговорил Бондаренко к условному заключению в доме принудительных работ на 6 месяцев¹⁵. Он смог вернуться в Москву по вызову Луначарского в 1922 г. и только тогда освободил комнату, которую занимал в одном из корпусов Лавры.

Несмотря на краткость пребывания Бондаренко на посту председателя, надо отметить и его большую заслугу в самом создании Комиссии, и ту

обстановку, в которой она работала: научные доклады сразу же обсуждались на заседаниях, рассматривались на них и многочисленные хозяйственные вопросы, решения принимались незамедлительно. Все работало с энтузиазмом и строили большие планы.

В сентябре 1919 г. возглавил Комиссию Олсуфьев, являвшийся с самого начала заместителем председателя. Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938), закончил юридический факультет Петербургского университета¹⁶. Еще в студенческие годы проявил интерес к искусству. После окончания университета поселился в усадьбе Буйцы Тульской губернии. Его отец начал строительство храма во имя Сергия Радонежского на Куликовом поле. После смерти отца он возглавил Строительный комитет и вплотную занялся древнерусским искусством, ездил по старым русским городам, по монастырям, изучал иконопись, которую только начали тогда раскрывать. Приехал он с семьей в Сергиев Посад, «под покров Преподобного» весной 1917 г., когда, в связи с крестьянскими волнениями, стало опасно оставаться в усадьбе. Работал в Комиссии и Сергиевском историко-художественном музее, занимался описями икон, серебра, написал несколько теоретических работ по иконописи, принимал непосредственное участие в устройстве ряда выставок. В мае 1928 г. уехал из города, чтобы избежать ареста. В дальнейшем работал в Москве в Центральных реставрационных мастерских, затем в ГТГ, занимаясь вопросами спасения и изучения произведений древнерусского искусства. В 1938 г. арестован и расстрелян.

Интерес к древнерусскому искусству не был у Олсуфьева поверхностным. Он воспринимал XV век в России как совершенно особую эпоху, как «момент просветления»: «Время преподобного Сергия и его учеников озарило русскую культуру красотой Богопознания, – писал он. – Лавра преподобного Сергия, как центр, и целый сонм святых обителей оживили, освятили, благословили Россию в ее частной и государственной

жизни на сотни лет. <...> Одним из важнейших средств познания той просветленной эпохи является иконопись того времени – этот творческий отблеск откровенных видений»¹⁷.

Еще до образования Комиссии, увидев, каким искажениям подвергся Троицкий собор XV в. в Лавре, Олсуфьев составил записку о его реставрации¹⁸.

С исключительным энтузиазмом занялся он работой в Комиссии с первого дня ее существования: вместе с Флоренским составлял опись икон, изучал рукописные лицевые книги и их орнамент. Одновременно занимался массой хозяйственных и административных вопросов. Видимо, хозяйственная жилка была у него в крови, да к тому же он приобрел большой опыт, управляя более десяти лет своим имением, доходность которого смог значительно увеличить. Ю.В.Готье, занимавшийся передачей библиотеки Лавры в Румянцевский музей, в ноябре 1919 г. сделал в своем дневнике такую запись: «Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Успенский собор и т.п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры»¹⁹.

В октябре 1919 г. Олсуфьев разработал Положение о Комиссии, в котором были указаны ее задачи: хранить памятники, изучать их, описывать, делать их доступными для обозрения народом и руководить этими обозрениями²⁰.

Но тут Коллегия Наркомпроса, которой непосредственно была подчинена Комиссия, направила нескольких своих членов во главе с Н.М. Щекотовым для проверки деятельности последней. Щекотов доложил, что «научная работа по регистрации поставлена хорошо, но в смысле музейного строительства не сделано ничего»²¹. Это заявление имело далеко идущие последствия. Было ли оно следствием искреннего непонимания того, какие предварительные работы должны быть проведены для создания музея – этот

человек не имел опыта в области музейного строительства, – или было вызвано большим желанием выдвинуться самому? На этот вопрос трудно ответить. Возможно, было то и другое. Во всяком случае, должность уполномоченного по организации музея в Лавре, полученная Щекотовым, стала ступенькой в его дальнейшей карьере.

Николай Михайлович Щекотов (1884–1945), посещал лекции в Политехнической академии и Инженерном училище в Германии, в 1908–1910 годах начал изучать древнерусское искусство под руководством И.С.Остроухова, начал работать в Третьяковской галерее²². В 1913–1914 годах опубликовал в журналах три статьи о древнерусском искусстве. В 1918 г. вернулся из германского плена и вошел в число членов Всероссийской коллегии Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В 1921–1925 годах директор ГИМ. В 1925–1926 – директор ГТГ, автор ряда работ в области русского и советского искусства.

В январе 1920 г. была образована Межведомственная комиссия из представителей Наркомюста, ВЧК, Московского губисполкома, Сергиевского исполкома и Всероссийской коллегии по делам музеев, созданная для решения вопросов, связанных с ликвидацией Лавры как монастыря. Возглавил ее тот же Галкин, который не допустил выхода в свет путеводителя по Лавре. В состав новой комиссии вошел Щекотов с двумя членами Коллегии Наркомпроса. Местная власть была настроена против создания музея отчасти по соображениям антирелигиозной пропаганды, но главным образом потому, что желала прибрать к рукам помещения и имущество Лавры: доски, гвозди, керосин и т.п. Представители Коллегии по делам музеев оказались в меньшинстве²³. Положение стало критическим. И тут Щекотов сумел подписать декрет об обращении историко-художественных ценностей Лавры в музей. Заслуга его в этом очень велика. Подпись Ленина сослужила хорошую службу и тогда, и не раз в дальнейшем. Однако с приходом Щекотова создалась такая обстановка, что прежние

члены Комиссии вынуждены были уйти. Никто из московских специалистов не захотел переехать в Посад, и пришлось собирать новый состав Комиссии из местных художников. Сам Щекотов сначала исполнял обязанности ее председателя, затем был назначен уполномоченным по созданию в Лавре музея. Он составил краткую записку по этому вопросу, собирался опубликовать ряд трудов по произведениям живописи, имеющимся в Лавре²⁴, но вскоре ушел на повышение – на пост директора ГИМ.

Среди новых членов Комиссии не было специалистов по древнерусскому искусству, и Отдел по делам музеев вынужден был просить Олсуфьева и Флоренского вернуться в качестве экспертов. Флоренского это предложение не заинтересовало, а Олсуфьев его принял и после полугодового перерыва возобновил работу уже как штатный сотрудник Комиссии. Это позволило ему сосредоточиться на описях и другой научной работе, но в заседаниях он не имел права участвовать: это было специально оговорено Отделом по делам музеев в письме на имя Председателя Сергиевского исполкома²⁵.

Владимир Дмитриевич Держиц и Андрей Евграфович Фаворский

Спасло положение то, что волею судьбы в 1920 г. в Сергиевом Посаде оказались два человека, вскоре вошедшие в состав Комиссии: В.Д. Дервиз и А.Н. Свириин.

Владимир Дмитриевич Дервиз (1859–1937) окончил Училище Правоведения и Академию художеств, был другом В.А. Серова и М.А. Врубеля²⁶. В купленной им усадьбе Домотканово Тверской губернии много занимался хозяйством. Его исключительно энергичная натура этим не могла ограничиться, и он активно участвовал в работе земства, несколько раз был избран председателем Тверской управы. Таким образом, накопил огромный хозяйственный и административный опыт. В недавно изданных мемуарах князя С.Д. Урусова, бывшего в 1905 г. тверским губернатором, приведено его письмо к Дервизу, где, в частности, говорится, что «Тверское земство издавна и заслуженно пользуется репутацией деловитости и самостоятельности, идя в этом отношении в первых рядах тех общественных учреждений, которые поставили себе задачей просвещенный бескорыстный труд на пользу народную»²⁷. Вскоре после революции обитатели усадьбы были выселены с конфискацией имущества. Какое-то время Дервиз жил у одной из своих дочерей в Москве. В Сергиевом Посаде жила его другая дочь – Мария Владимировна, вышедшая замуж за художника В.А. Фаворского, его отец А.Е. Фаворский, служивший в Комиссии бухгалтером, привлек и Дервиза к работе в Комиссии. А характеристику дал И.Э. Грабарь, представивший его как широко образованного, одаренного художника и «сверхчестного человека»²⁸. В члены Комиссии Дервиз был принят в ноябре 1920 г., весной 1922-го назначен ее председателем, а в 1924 г. и заведующим музеем. (В 1924 г. существовали и Комиссия, и музей). Уехал он из Сергиева Посада в связи с арестами в 1928 г.

Алексей Николаевич Свирин

Алексей Николаевич Свирин (1886–1976) закончил юридический факультет Казанского университета. Служил в Хабаровске, в Государственном контроле. Там он познакомился с известным писателем и этнографом В.К. Арсеньевым. Желая помочь Свирину перебраться в Петербург или в Москву, Арсеньев в одном из писем сообщал: «...рекомендую его как человека высокоинтеллигентного, образованного.

По окончании университета он много работал над изучением русского зодчества и в этом деле, что называется, съел собаку... Кроме того, он хорошо знает древнерусское искусство. В его лице вы найдете не только полезного для музея работника, но и хорошего, честного человека. Один у него недостаток – это излишняя скромность»²⁹. Во время Первой мировой войны Свирин перешел в органы Контроля Северного фронта, потом Западного, а в 1920 г. был назначен заведующим отделением Контроля Московского военного округа в Сергиевом Посаде. И одновременно с августа 1920 г. начал работать в Комиссии по охране памятников Лавры. Когда через два месяца нависла угроза его перевода по службе в другой город, на заседании Комиссии постановили «просить оставить, так как Свирин в качестве хранителя историко-художественного музея проявил большую энергию и любовь к делу по развертыванию музея. Кроме того, большие познания в области искусства делают тов. Свирина необходимым для работ по подготовке открытия музеев, представляющих собой совершенно исключительную ценность»³⁰. В 1929 г. Свирин перешел на

работу в ГТГ, преподавал в различных учебных заведениях, внес большой вклад в науку в области древнерусского искусства.

Свирин и Дervиз начали работать в Комиссии в то время, когда уполномоченным по организации музея являлся Щекотов, а председателем Комиссии в 1920–1922 годах был Владимир Иванович Соколов, художник, много лет руководивший до этого земской художественно-столярной мастерской³¹. В неопубликованных воспоминаниях Дervиза есть такие слова: «С самого начала я оказался ближе всего с Олсуфьевым и со Свириным, и мы скоро стали совместно работать над созданием историко-художественного музея, который должен был быть создан из всего, что осталось от знаменитого монастыря»³². Этим трем лицам и принадлежит основная заслуга в деле организации музея.

Надо отметить характер отношений между этими людьми. Вот какую характеристику Дervизу дал Свирин: «Глубокая культура, широкое образование, природная художественная одаренность и большой такт, которыми обладал В[ладимир] Д[митриевич], были чрезвычайно ценными качествами для деятельности в таком музее, если учесть обстановку, в которой протекала работа. Задача превратить огромный монастырь в музей была чрезвычайно сложной и трудной. Одним из основных вопросов был вопрос об охране музея. Вначале охрана была организована из монахов, и, надо отдать им должное по справедливости, они работали безукоризненно. Административный опыт и такт Вл[адимира] Д[митриевича] помогали ему в этой деятельности. Чрезвычайная скромность, лишенная самомнения, и деликатность способствовали успеху его деятельности. Как заведующий музеем он сам занимался инвентаризацией сокровищ, хранившихся в музее. Насколько трудна была эта работа, легко можно представить, если учесть, что помещение ризницы, где хранились драгоценности, не отапливалось, а предметы из золота и серебра надо было держать в руках и тщательно рассматривать. Владимир Дмитриевич в своем старом полушубке и в какой-

то маленькой шапке, не закрывающей ушей, ежедневно проводил работу, не обращая внимания на холод.

Чрезвычайно приятен был Владимир Дмитриевич в совместной работе по организации музея. У нас установились с ним подлинно товарищеские отношения в лучшем смысле этого слова. Его природный ум, вкус и общая культура очень облегчали совместную трудную работу. Мы понимали друг друга с полуслова»³³.

Создание музея происходило в исключительно тяжелой обстановке. Стоит обратить внимание на слова Свирина о том, что помещение ризницы не отапливалось. Дрова были одной из самых серьезных проблем, которая неоднократно обсуждалась на заседаниях Комиссии. Еще в 1918–1919 годах членам Комиссии приходилось работать в холодных помещениях. Т.В. Розанова писала в своих воспоминаниях: «Обыкновенно Ю.А. [Олсуфьев] и П.А. [Флоренский] брали из ризницы или из фондов церковные предметы или книги, делали описи и определяли время их создания, всю эту работу они производили в комнате рядом с нашей канцелярией. Я часто заходила в ту комнату и видела их работу. В комнате у них было очень холодно. Я удивлялась их терпению и выносливости, но они, погруженные в работу, ничего не замечали»³⁴. В 1922–1923 годах отопления не было вовсе из-за отсутствия денег для покупки дров. Электричеством освещались только коридоры, лестницы и уборные.

Уже в феврале 1920 г. сложилось такое тяжелое продовольственное положение, что пришлось хлопотать о предоставлении земельного участка для коллективной обработки. В марте 1922-го на заседании Комиссии рассматривался вопрос об обращении к американским музеям, имеющим характер, аналогичный характеру Сергиевского музея, или к институту Карнеги с просьбой оказать сотрудникам продовольственную помощь. Не раз рассматривались на заседаниях вопросы об огороде, о бывшем пчельнике Лавры, о возвращении лошади, временно переданной отделу Наробраза и т.п.

Сохранился рисунок Дервиза с надписью: «Звонковая и Каличья башни. Дежурство на огороде. 29 мая 1921 года. 11 часов вечера». То есть приходилось охранять только что посаженную картошку.

Летом 1922 г. не стало денег на оплату служащих и сторожей. Их просили остаться в качестве сверхштатных работников только за предоставленное в Лавре жилье. Кстати, все члены и сотрудники Комиссии, кроме Соколова и Олсуфьева, жили в Лавре. Комиссия старалась хоть как-то добыть деньги для покрытия неоплаченных счетов: пыталась добиться разрешения продать сборник-путеводитель «Троице-Сергиева лавра», реализовала два ковра, фаянсовый сервиз, получала какой-то процент, отбирая для ГУМа изделия местных кустарей. Но в связи с отсутствием денег в конце 1922 г. пришлось даже отказаться от телефона. Однако при этом почти не прекращалось печатание трудов Комиссии, производились самые необходимые ремонтные работы – верха пострадавшей при пожаре Пятницкой башни, крыши Трапезной, поврежденной ураганом, и др.³⁵ Вся Комиссия к октябрю 1923 г. состояла из трех человек: Дервиза, Свирина, Соколова, нештатных сотрудников: эксперта по древнерусскому искусству Олсуфьева и архитектора А.А. Кеслера. Имелся также завхоз, бухгалтер, начальник охраны и 10 сторожей-монахов.

Нельзя не сказать и о том, что членам Комиссии выпала обязанность отбора вещей для передачи государству. Первый раз отбирала из ризницы вещи, не имеющие художественной и исторической ценности, Межведомственная Комиссия, в которую входил Олсуфьев. Это было в августе 1920 г. Во второй раз отбор церковного золота и серебра происходил в пользу голодающих Поволжья в 1922 г. Отбор производила Комиссия под председательством уполномоченного Отдела по делам музеев. От музея в ее состав входили Олсуфьев и Дервиз. Тогда удалось отдать оклады икон позднейшего времени с больших икон Успенского собора такие тяжелые, что пришлось прибегнуть к помощи учащихся Электрокурсов, размещавшихся в

Царских Чертогах. В Троицком соборе, как вспоминал Дервиз, – дело обстояло сложнее. Над некоторыми предметами пришлось потрудиться, определяя время их создания³⁶. (Вещи, созданные до 1725 г. изъятию не подлежали).

В 1924–1927 годах работа продолжалась в нескольких направлениях. Прежде всего, это было устройство выставок, важнейшей была выставка «Искусство XIV–XV веков», инициатором которой был Олсуфьев,³⁷ изучение и составление описей серебряных вещей, икон, тканей, хранившихся в Ризнице, подготовка к печати Вкладной книги Лавры, наблюдение за расчисткой икон³⁸.

Невозможно назвать точную дату, когда собственно музей стал доступным для посетителей. Сначала это происходило каждый год с наступлением тепла. Так весной 1921 г. открыли все отделы музея, кроме Троицкого собора: Ризницу, выставки древнерусской книги, шитья и тканей XVIII в Митрополичьих покоях, древнерусской живописи и картин местных художников с отчислением обязательного взноса в пользу голодающих. А с 1 января 1922 г. заведующий Церковной секцией Отдела по делам музеев Наркомпроса Н.Н. Померанцев разрешил пускать людей и в Троицкий собор за плату в пользу голодающих Поволжья. В 1922 г. были открыты кустарная выставка, экспонаты которой потом составили кустарный отдел музея, показательная иконописная мастерская, музей в Спасо-Вифанском монастыре. В 1923 г. создан архитектурный отдел. Но в связи с нехваткой сторожей некоторые отделы приходилось закрывать для посетителей или сокращать число дней, когда музей был открыт³⁹.

В 1925 г. в музее имелись отделы: архитектурный (иконография Лавры, планы, чертежи, гравюры, картины, фотографии), живописи (станковая живопись с XIV по XIX в.), показательная иконописная мастерская (техника и орудия производства), древнерусской книги (рукописные книги, свитки, грамоты, древние документы), искусства XIV и XV вв. (живопись, шитье,

ткани, изделия из металла, дерева, кости, камня, эмали), древнерусской живописи, древлехранилище (шитье, ткани, изделия из золота и серебра XVI–XIX веков), жилые покои начала XVIII в. (Царские Чертоги), жилые покои конца XVIII – начала XIX в. (быт высшего духовенства – Митрополичьи покои), келья рядового монаха (быт монаха), шитья и тканей XIX в., а также филиалы в Спасо-Вифанском монастыре (покои митрополита Платона конца XVIII в. и церковь того же времени) и в Гефсиманском скиту (деревянная церковь начала XVII в. и покои митрополита Филарета)⁴⁰.

До февраля того же года и Комиссию, и музей возглавлял Дервиз. Затем произошел его конфликт с неким М.Г. Захаровым, поступившим в музей в сентябре 1924 г. на должность заместителя заведующего музеем. Этот молодой человек, член партии, желал открыть в музее отдел революции и уголок безбожника, а также продать колокол для приобретения гипсового бюста Ленина⁴¹. Он активно взялся за дело: вскоре в газете появилась заметка, констатирующая, что «у входа в Митрополичьи покои, на площадке, наверху в свете красных ламп на красном постаменте, иронически щурится белый бюст Ильича»⁴². И это при том, что Н.Н. Померанцев, возглавлявший в Главнауке Церковную секцию, к которой относился музей, требовал убрать из музея все новое, нарушающее впечатление⁴³. Дервиз и Захаров не сработались, так что Ревизионная комиссия в начале 1925 года решила устранить обоих. Захаров уволился по собственному желанию, а Дервиз перешел на должность заместителя директора и одновременно хранителя⁴⁴. Со Свириным, который был назначен исполняющим обязанности директора, у него были прекрасные отношения.

Когда же перестала существовать Комиссия, выполнившая свою задачу со времени образованием музея? Точно известна лишь дата смены печати Комиссии на печать Государственного историко-художественного и бытового музея в г. Сергиеве. Это произошло только 23 июля 1926 г.⁴⁵. Процессу создания музея, как бы подвел итог путеводитель, написанный Свириным и вышедший в 1925 г. Стоит заметить, что он не содержал

упоминаний о преподобном Сергии – автор хорошо знал печальную историю со сборником 1919 г. И в то же время новый путеводитель не уступал первому по поэтичности. Он начинается словами: «Окаймленные высокою, суровою стеною с башнями-бойницами возвышаются среди редкой зелени все здания б. лавры, возглавляемые единственной по красоте стройной, прозрачной колокольней...»⁴⁶.

Музей был создан в столь короткие сроки и в тяжелейших условиях того времени фактически тремя подвижниками: Олсуфьевым, Дервизом и Свириным. Это оказалось возможным благодаря тому, что все они были образованными, талантливыми и по-настоящему интеллигентными людьми, стремившимися дружно делать одно дело. Они сохранили историко-художественные ценности Лавры, создали музей. В протоколе обследования Комиссией от Главнауки в июле 1926 г. время сделан вывод, что, как в отношении памятников архитектуры, так и полноты и качества художественно-исторических коллекций, а также издательской деятельности, Сергиевский музей – один из лучших историко-художественных музеев страны, являющийся мировым памятником по преимуществу древнерусской культуры⁴⁷.

Свою лепту внесли в дело создания музея члены и сотрудники Комиссии, упомянутые выше. И еще надо отдать должное тем монахам, которые остались в Лавре и поступили на службу в Комиссию. Так о. Диомид (Егоров) работал помощником хранителя Ризницы и был вознагражден «за прекрасную служебную дисциплину и сознательное отношение к делу устройства музея»⁴⁸. Монахи были сторожами, выполняя внешнюю и внутреннюю охрану. (Последних мы теперь назвали бы зрителями). В 1928 г. всех их арестовали и выслали.

В это время в печати развернулась кампания травли создателей музея. Был назначен новый директор. Он предложил план коренной реорганизации музея, предусматривавший его превращение «в мощное научно-

исследовательское учреждение по постановке антирелигиозной работы и по широкому проведению антирелигиозной пропаганды»⁴⁹.

В 1930 г. М.М. Пришвин, встретивший Свирина, «сказал ему, что для нашего искусства наступает пещерное время и нам самим теперь загодя надо подготовить пещерку. Или взять прямо решиться сгореть в срубе по примеру наших предков 16-го в. Свирин сказал на это, что у него из головы не выходит – покончить с собой прыжком в крематорий. - А разве можно? – спросил я. – Можно, – сказал он, – когда ворота открываются, чтобы пропустить гроб, есть момент, когда можно прыгнуть»⁵⁰.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 835. Л. 12.

² *Нащокина М.В.* Архитекторы московского модерна. М., 1998. С. 56.

³ *Горожанина С.В.* Архитектурная игрушка // *Антиквариат*. 2007. № 1–2. С. 12.

⁴ *Флоренский П.А.* Храмовое действо как синтез искусств // *Флоренский Павел, священник. Избранные труды по искусству*. М., 1996. С. 201.

⁵ Проект музея Троице-Сергиевой лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры профессором П.А.Флоренским и П.Н.Каптеревым по поручению Комиссии // Приложение к ст.: *М.С. Трубачева*. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры 1918–1925 годов. Музей 5. Художественные собрания СССР. М., 1984. С. 161–162.

⁶ Там же. О задачах Сергиево-Посадского общества изучения местного края составлено по поручению общества [*П.Н.Каптеревым*]. С. 160-161.

⁷ Архив СПМЗ. Д.1/1. Л. 25.

⁸ Троице-Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1919. Переиздание: М., 2007.

⁹ Текст статьи *М. Горева* см.: *Флоренский Павел, священник. Сочинения в 4 томах*. М., 2006. Т. 2. С. 763–765.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 1–1 об.

¹¹ Архив СПМЗ. Д. 1/6. Л. 6.

¹² Доклад *П.А.Флоренского* «В Комиссию по охране Троице-Сергиевой лавры об издании каталогов лаврского музея. 1919. XI. 10 // Приложение к ст.: *М.С. Трубачева*. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры 1918–1925 годов. Музей 5. Художественные собрания СССР. М., 1984. С. 162–163.

¹³ *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 66. (Подпись под фотографией).

¹⁴ *Бондаренко Л.В.* Роль И.Е.Бондаренко в формировании музейной коллекции [Башкирского государственного художественного музея им. М.В.Нестерова] // *Художественные музеи России. Из истории формирования художественных коллекций*. СПб, 2003. Вып. 2. С. 181–192.

¹⁵ *Копылова О.Н.* Источники по истории Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии в фондах ГАРФ (XIX–XX вв.) // *Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и*

духовной жизни России. Материалы II Международной конференции. Сергиев Посад, 2002. С. 100–130

¹⁶ *Вздорнов Г.И.* Юрий Александрович Олсуфьев // Реставрация и наука... М., 2006. С. 177–214. *Смирнова Т.В.* Ю.А.Олсуфьев. Материалы к биографии // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158. С. 328–342; *Она же.* Кадашевские чтения. Сб. материалов конференции V. М., 2009. С. 206–213.

¹⁷ Олсуфьев Ю.[Записка]. 12. IV 1919. Машинопись, частный архив.

¹⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/2. С. 2–4 об.

¹⁹ *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 133.

²⁰ Архив СПМЗ. Д. 1/17. Л. 6–6 об. Положение было утверждено Н.И.Троцкой.

²¹ Цит. по книге: *Андроник (Трубачев), игумен.* Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. С. 38.

²² *Щекотов Н.М.* Статьи, выступления, речи, заметки. М., 1963. Даты жизни и творчества Щекотова. С. 342.

²³ *Андроник (Трубачев), игумен.* Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 41, 58–59.

²⁴ Архив СПМЗ. Д. 1/17. Л. 7–9 об.; Д. 1/26. Л. 26.

²⁵ Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 104.

²⁶ *Смирнова Т.В.* Первый директор Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника // Московский журнал. 2003, № 7. С. 17–20.

²⁷ *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 544.

²⁸ *Ефимов А.И.* Клан художников // Фаворский В.А. Воспоминания о художнике. М., 1990. С. 25.

²⁹ Цитир. по: *Хрунова Н.* Первый хранитель музея // Краеведческий вестник (приложение к Сергиево-Посадской газете «Вперед»). 2000. № 3.

³⁰ Архив СПМЗ. Д. 1/14. Л. 33–33 об.

³¹ *Смирнова Т.В.* Сергиев Посад Константина Юона и Владимира Соколова // Русское искусство. 2006. № 2. С. 28–35.

³² *Дервиз В.Д.* Воспоминания. Рукопись. Частный архив.

³³ *Свирин А.Н.* Воспоминания о деятельности В.Д.Дервиза в Загорском историко-художественном музее. Машинописная копия. Архив Г.Г. Дервиза.

³⁴ *Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом...» М., 1999. С. 84.

³⁵ Архив СПМЗ. Д. 1/14. Л. 4.

³⁶ *Дервиз В.Д.* Воспоминания...

³⁷ [Олсуфьев Ю.А.]. Искусство XIV–XV веков. Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой лавры. 1924. Предисловие Ю.О[лсуфьева]. Сергиев Посад, 1924.

³⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/79. Л. 9 об., 15; *Олсуфьев Ю.А.* Описание древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой лавры (до XVIII века). Сергиев Посад, 1926; *Он же.* Дополнение II к «Описи икон б. Троице-Сергиевой лавры». Сергиев Посад, 1925; *Он же.* Дополнение III к «Описи икон Троице-Сергиевой лавры». Сергиев Посад, 1927; *Свирин А.Н.* Описание тканей XIV–XVII веков б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1927 и др.

³⁹ Архив СПМЗ. Д. 1/26. Л. 27, 41, 57; 1/36. Л. 2 об., 15; 1/44. Л. 4; 1/46. Л. 12 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1/79. Л. 4 об.

⁴¹ Там же. Д. 1/46. Л. 35 об.

⁴² Там же. Д. 1/67. Л. 8 об.

⁴³ Там же. Д. 1/36. Л. 3 об.

⁴⁴ Там же. Д. 1/79. Л. 5,14.

⁴⁵ Там же. Инв. НА-2. Л. 42.

⁴⁶ *Свирин А.Н.* Сергиевский историко-художественный музей. М., 1925.

⁴⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 118.

⁴⁸ Архив СПМЗ. Д 1/26. Л. 3; Д. 1/36. Л. 17, 18.

⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 6–9 об.

⁵⁰ *Пришвин М.М.* 1930 год // Октябрь. 1989. № 7. С. 154.

Сокращения

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГИМ – Государственный исторический музей

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея

МУЖВЗ – Московское училище живописи, ваяния и зодчества

ОПИ – Отдел письменных источников

СПМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник

Доклад опубликован: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции VI. М., 2010. С. 253–267.